

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

ПОВРЕМЕНИ СПИС

ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

ИЗДАЈЕ

А. БЕЛИЋ

УРЕЂУЈУ:

А. БЕЛИЋ, СТ. М. КУЉБАКИН, СТ. ИВШИЋ и ФР. РАМОВШ

КЊИГА XII

ДРЖАВНА ШТАМПАРИЈА
КРАЉЕВИНЕ ЈУГОСЛАВИЈЕ
БЕОГРАД, 1933

4. Два писма В. Јагића.

I.

Многоуважаемый Михаилъ Павловичъ!

Поль года уже прошло съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь — блаженствуемъ и я все еще не далъ Вамъ знать о томъ. Часто я собирався но какъ то не успѣлъ. Съ начала было думалъ, что Вы совсѣмъ забыли на насъ и не хотите ничего знать о измѣнникѣ; послѣ только узналъ, что къ сожалѣнію Вашъ отвѣтъ на мое письмо миновалъ меня и пропалъ. Жаль, но все таки лучше чѣмъ опасаться что я выѣздомъ изъ Одессы лишился Вашей дружбы, которою я всегда очень дорожилъ. Пріятно было мнѣ слышать, что университетъ сдѣлалъ Васъ своимъ проректоромъ; приношу Вамъ хоть и немножечко позно свое поздравленіе и желаю искрено, чтобы Вамъ удалось Вашимъ честнымъ и откровеннымъ образомъ дѣйствія окончательно востановить порядокъ, миръ и любовь въ новорос. университетѣ. Когда сравнить преимущества которыми пользуется русскій универ. профессоръ съ тѣми пресловутыхъ нѣмецкихъ университетовъ, такъ можно бы дѣйствительно упрекать нашихъ друзей, за чѣмъ сами подрываютъ свое завидное положеніе постоянными ссорами и жалобами. Вѣрьте мнѣ, что здѣшніе профессора, которые нѣсколько знаютъ положеніе русскихъ унив. профессоровъ, не безъ зависти говорятъ о — русскихъ баряхъ! Это вѣрно.

Впрочемъ не за то я долженъ жалѣть, что покинулъ Россію — мои требованія самыя умѣренныя и я уже давно привыкъ примиряться со многими неудобствіями которыхъ другіе никогда бы не полюбили — но мое недовольствіе имѣетъ совсѣмъ другую причину. Я увлекся какъ Вы знаете мыслію, что преподавать славянскіе языки въ берлинскомъ университетѣ — дѣло полезное на столько же для насъ на сколько для нѣмцевъ. Но кажется, что я ужасно ошибся въ этомъ предположеніи. Здѣсь къ славянской наукѣ сочувствія пока — очень мало. О польскомъ, чешскомъ или сербскомъ языкахъ уже нечего и говорить, но я предполагалъ что по крайней мѣрѣ къ русскому будутъ относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ въ виду тѣхъ услугъ, которыя Россія оказала Германіи. Ни чуть не бывало. Одна часть здѣшней публики (ученой, конечно, я другой и не знаю) все еще удивляется, какъ можно писать или печатать что нибудь серіознаго или ученаго на рус-

скомъ языкѣ. Другіе при всякомъ удобномъ случаѣ прибавляютъ *es ist leider russisch*, такъ что эти ихъ *leider* начали уже мнѣ надоѣдать. На конецъ третіе пожалуй согласны даже учиться русскому языку, но не съ научною цѣлію, а изъ разчета, они кандидаты въ будущіе эксплуататоры русскаго добродушія. И такъ, судя по тому, какъ до сихъ поръ относятся къ кафедрѣ славянскихъ языковъ и литературъ, моя мысль и желаніе, пріютить здѣсь славянскую филологію, оказывается пустою мечтою. Кажется, для Берлина скорѣе пригодился бы какой остзейскій нѣмецъ, ему-то скорѣе бы и повѣрили, чѣмъ мнѣ.

Не смѣю Вамъ надоѣдать разказомъ о томъ, какую отвратительную жизнь мы ведемъ въ Берлинѣ, даже въ сравненіи съ Одессою — Городъ какъ извѣстно скученъ, зимою и лѣтомъ грязенъ, лѣтомъ еще и вонючъ, на дороговизну общая жалоба, такъ что жить въ немъ становится — каждымъ днемъ тяжелѣе. Удобствій и удовольствій здѣсь очень мало. Марію Константиновну будетъ интересовать, когда скажу, что въ Берлинѣ, въ центрѣ сильной нѣмецкой монархіи и нѣмецкой интеллигенціи, все что считается лучшимъ, моднымъ, должно прибыть по крайней мѣрѣ изъ Вѣны, если ужъ не изъ ненавистнаго но необходимаго Парижа. Гуляя по лучшимъ частямъ города постоянно встрѣчаете магазины: *Wiener bäckerei, Wiener schuhe, wiener mehl, wiener möbel, wiener restaurant, wiener café*. Вотъ что значитъ сѣверонѣмецкая индустриальная безтолковость. Здѣсь одно только блистательно — это прусскіе солдаты, которые гордо маршируя по улицамъ по неволѣ внушаютъ — страхъ. Пруссія на дѣлѣ — военный лагерь. Мальчишки по улицамъ играютъ въ солдаты, родители ихъ одѣваютъ въ военный мундиръ съ фуражкой, и т. д. Говорятъ (не знаю на сколько вѣрно), что съ послѣдней войны нравы народа очень огрубѣли. Дѣйствительно здѣсь на улицѣ встрѣчаешь часто такую грубость, начиная съ уличныхъ гаменовъ все до разгульных рабочихъ — социалистовъ, что трудно повѣрить, что находишься въ Берлинѣ. Да и образованные сохраняютъ по неволѣ отпечатокъ этой сѣверонѣмецкой грубости, только они говорятъ, что это ихъ сближаетъ съ — англичанами.

Длинную главу можно бы написать о — женщинахъ, но это не мое дѣло, да и черезъ чуръ уже извѣстно. Довольно если Вамъ скажу, что моя жена, хотя и сама полунѣмка, никакъ не можетъ привыкнуть здѣшнему образу жизни. Она съ нетерпѣніемъ дожидается теплой погоды что бы поѣхать на родину.

Моя Станочка посѣщаетъ школу, дома же прилежно читаетъ по сербски и по русски. И ей-то лучше нравилось въ Россіи. Она кланяется Софіи Михайловнѣ.

Мы съ женою просимъ Васъ передать поклонъ Маріи Константиновнѣ и принять увѣреніе, что мы никогда не забудемъ той дружбы, съ которой вы насъ всегда встрѣчали. Мы были въ Одессѣ у своихъ, но здѣсь останемся на всегда между чужими.

Вашъ

Въ Берлинѣ 3/15 апр. 1875.

преданный

В. Яичъ

Прошу Васъ передать мой поклонъ его превс. С. Пл. Голубцову и всѣмъ бывшимъ товарищамъ.

II.

Многоуважаемый Михаилъ Павловичъ,

Извините меня, что я не тотчасъ по полученіи Вашего очень пріятнаго письма поблагодарилъ Васъ за великолѣпную тактику, которою Вы вели мое дѣло въ факультетѣ. Какъ блистательно Вы опять засвидѣтельствовали Вашъ всегда честный и въ то же время умный образъ дѣйствія, за который я съ самага начала нашего знакомства никогда не переставалъ и не перестану глубоко уважать Васъ. Надѣюсь и впередъ какъ до сихъ поръ по возможности оправдать то дружеское довѣріе, которое Вы мнѣ оказали, защищая мои интересы.

Баллотировкою происшедшей въ совѣтѣ я-доволенъ, зная составъ новоросс. совѣта. Теперь все зависитъ отъ утвержденія министра, о которомъ нельзя было бы сомнѣваться, если бы съ моей стороны не было поставлено одно условіе, о которомъ я считаю своею обязанностію сдѣлать Вамъ обстоятельное сообщеніе.

Я написалъ уже на дняхъ письмо къ попечителю, въ которомъ я обратился къ нему съ вопросомъ, готовъ ли онъ и теперь еще, какъ было года два тому назадъ, ходатайствовать о зачисленіи мнѣ лѣтъ прежней службы. Не знаю, какой получу отвѣтъ на этотъ запросъ. Но во всякомъ случаѣ я долженъ свой переходъ или возвращеніе въ Одессу обусловить полученіемъ этой милости. На первый взглядъ это покажется пожалуй слишкомъ нескромнымъ и неумѣреннымъ требованіемъ, но обсудя поближе обстоятельства я полагаю что можно будетъ извинить и даже оправдать меня.

Я, какъ изволите знать, семейный человѣкъ, теперь у меня даже двое дѣтей. Семья моя, благодаря моему идеальному на-

строениу, не обезпечена почти никакимъ состояниемъ на случай моей смерти. Однакожъ поступа въ число орд. профессоровъ берлинскаго университета я за вносъ въ эмеритальную кассу небольшой ежегодной суммы обезпечилъ за моею семьею право на случай моей смерти, когда бы она ни послѣдовала, получать пенсію въ размѣрѣ 600 талер. (400 для жены, по 100 на каждое дитя). Будь я холостъ, я конечно не обращалъ бы никакого вниманія на это право. Но въ виду того, что у меня семья, я не могу, не смѣю отъ этой выгоды отказаться. Что отъ туду слѣдуетъ? Разумѣется, я не могу требовать что бы русское правительство въ пользу мою измѣнило свои постановленія на счетъ получения пенсіи. Я даже не могу требовать, что бы къ моему жалованію сдѣлали добавокъ, который равнялся бы той суммѣ которую я здѣсь получаю свыше 3000 рублей. Отъ всего этого я долженъ отказаться и охотно отказываюсь. Но за то я долженъ поставить какъ условіе моего возвращенія, что бы мнѣ г. министеръ исходатайствовалъ высочайшую милость, заключающуюся въ зачисленіи моихъ лѣтъ службы проведенной въ Австріи въ гимназій и въ Россіи и въ Пруссіи въ университетѣ. Такимъ образомъ я получу такое число лѣтъ службы для пенсіи, что и въ Россіи моя семья на случай моей смерти обезпечена правомъ на получение пенсіи. Я такъ по крайней мѣрѣ думаю.

Вотъ видите, дорогой Михаилъ Павловичъ, что беспокоитъ меня; это тайная печаль, которая снѣдаетъ мое сердце.

Съ одной стороны какъ горячо я желаю чѣмъ скорѣе вернуться къ Вамъ, къ своимъ! Но съ другой — опасеніе и страхъ не рисковать интерессами своей семьи, о которой я и такъ слишкомъ мало забочусь — заставляютъ меня быть осторожнымъ. Я прошу Васъ представить себя въ моемъ положеніи — и Вы извините меня, по крайней мѣрѣ поймете мое требованіе. Не знаю, захочетъ ли хлопотать попечитель, въ Петербургѣ у меня никого почти знакомаго нѣтъ — но я намѣренъ прямо обратиться къ министру. Вѣдь Вы и не кто другой слышали, что онъ обещался все сдѣлать что можетъ, что бы состоялось мое возвращеніе. Мы увидимъ, на дѣлѣ ли такъ.

Что касается до моего возвращенія — я готовъ безъ отдыха тотчасъ по окончаніи здѣшняго семестра приѣхать въ Одессу — но раньше никакъ железя. Я имѣю здѣсь обязанность остаться, что бы покончить семестеръ, лекціи котораго я объявилъ. И такъ, если этого желаютъ и требуютъ интересы службы, я могу быть

въ Одесѣ послѣ пасхи — но никакъ не раньше. Невозможнаго нельзя отъ меня требовать.

Моя жена очень радуется тому времени, когда опять будетъ въ Одесѣ. Къ сожалѣнію въ настоящее время смущаетъ нашу радость печальный случай въ семьѣ — безнадежная болѣзнь ея отца, профессора Зоричича въ Загребѣ.

Мы всѣ кланяемся Маріи Константиновнѣ, я же прошу Васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе товарищамъ по факультету. Объ упомянутомъ личномъ обстоятельстве прошу Васъ не передавать никому.

Вашъ

10./10. 876.

искренній

В. Яичъ

*

Мислим да је потребно додати горњим писмима В. Јагића ради бољег разумевања тих писама неколико података о мојем оцу М. П. Смирнову, коме су та писма била упућена, а такође и о осталим лицима, која В. Јагић спомиње.

1. Мој отац, доктор руске историје, Михаил Павловић Смирнов¹⁾, редовни професор Императорског новоросиског универзитета у Одеси на катедри руске историје, био је изабран у јесен 1871 г. за декана историско-филолошког факултета на три године према закону (тај се рок рачунао од потврде избора од Министарства просвете — 22 октобра = 3 новембра 1871 г.). По истеку тога рока Савет Универзитета (тј. универзитетско веће) изабрао га је за проректора Универзитета опет на три године дана, рачунајући од 7/19 децембра 1874 г., тј. од дана потврде избора од Министра просвете. Пре истека трогодишњег рока мој је отац умро 1/13 фебруара 1877 г., скоро уочи свог избора за ректора универзитета. Тај избор требало је да буде извршен фебруара 1877 г.

В. Јагић, који је био колега мога оца у факултету, био је са њим у пријатељским односима и често је долазио мојим родитељима у посету, а понекад је доводио и своју супругу и своју малу ћерчицу Стану, која се играла са мојом млађом сестром Софијом. Тога се ја још добро сећам, иако сам био у то време само дечко.

До мога одласка из Русије (6 априла 1919 г.) чувао сам две фотографске групе, које су приказивале све професоре историско-филолошког факултета у почетку седамдесетих година прошлог столећа. На обема фотографијама се налазила и слика В. Јагића.

¹⁾ Родио се у Петрограду 22 септембра = 4 октобра 1833 год., умро је у Одеси 1/13 фебруара 1877 год. у 43-ој години живота.

Често сам гледао те фотографије те зато се слика В. Јагића добро урезао у моје памћење. Мало је наде да су се сачувале.

2. Марија Константиновна је моја покојна мајка, а Софија Михаиловна — моја покојна сестра.

3. Сергије Платонович Голубцов, коме шаље свој поздрав г. Јагић, био је попечитељ (куратор) Одеског школског округа (који је обузимао неколико губернија). С. П. Голубцов био је стари господин, добродушан и благонаклон, увек готов да помогне професорима помоћу свог утицаја у Министарству просвете. Могуће да је мој отац, по пријему другог писма В. Јагића, покушао да преко С. Голубцова издејствује Јагићу право на пензију које је Јагић тражио. У том случају морало је остати трага од тога у архиви Одеског школског округа, али та архива, ако није уништена, свакако није приступачна.

С. Голубцов по рангу као куратор имао је по закону право на титулу „превосходитељства“ (превасходства, Excellenz) у званичној преписци и у званичним личним односима. Зато Јагић додаје ту титулу Голубцову.

На крају додајем да су горња писма В. Јагића наштампана тачно онако како су написана, без икаквих измена.

18 мај 1933
Београд

Константин Смирнов
бив. ред. професор Одеског Универзитета
сада хонор. професор Београдског Универзитета

5. Два случаја морфолошке декомпозиције.

1. У Рјечнику Југосл. акад. (IX 783 b) стоји: Перетак, перетка¹⁾ м. исто што перец, перетац. У рјечнику ниједном. Из тога објашњења се не види да ли реч *перешак* исто значи што и *перец*, или да ли су те речи истог постанка, или и једно и друго. Реч *перешак* постала је кривом морфолошком декомпозицијом од речи *перец*—: из множине перéци добивено је перéтци (разуме се у психолошком смислу), одатле генитив пèрèтāкā и једнина перéтак, перéтка итд. То би био један од примера каквих нема много у српском језику. (Исп. на пр. Млеци, Млетака). Даље, реч *перешак* не значи исто што и *перец*, бар у Босни одакле га наводи Рјеч. ЈАК., јер поред речи перéтак постоји и пèрèц, који за разлику од првога није домаће, кућно пециво, него га пеку само пекари. Сем тога перетци се месе само о Васкрсу²⁾, док се перечи, као и остали пекарски производи, пеку сваки дан.

¹⁾ Без акцента у Рјечи. ЈАК.

²⁾ Тако је и у Пљевљама, исп. Г. Ружичић, Акценатски систем Пљеваљског говора 122 (Срп. дијал. зборник III).